

ЛИНГВИСТИКА

А.Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О трудах Е.А. Хелимского по русской и славянской этимологии

Аннотация: Статья посвящена памяти выдающегося российского лингвиста Е.А. Хелимского (1950–2007). Его основные научные достижения относятся к исторической уралистике. В статье идет речь о его достижениях по славянской и русской этимологии. Кроме того, предлагаются этимологии четырех диалектных слов, так или иначе связанные с идеями Е.А. Хелимского.

The article is devoted to the memory of a prominent Russian linguist Eugen Helimski (1950–2007). His numerous scientific achievements belong mainly to historical Uralistic. The article deals with his achievements in Slavic and Russian etymology. Besides, in connection with Helimski's ideas four Russian dialectal words (*бiстeр, бiсяга, нoрник, чка*) are considered.

Ключевые слова: уралистика, славистика, этимология, русская диалектная лексика.

Slavonic studies, etymology, Russian dialects.

УДК: 83'373.6.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор русского языка в Сибири. Тел. (383) 3301518. E-mail: anikin@philology.nsc.ru.

Недавно ушедший из жизни российский ученый Евгений Арнольдович Хелимский (1950–2007), в последние 10 лет жизни возглавлявший Институт финно-угроведения/уралистики Гамбургского университета, был одним из выдающихся лингвистов нашего времени, главным образом в области сравнительно-исторического языкознания. Его основной специальностью была уралистика (особенно самодийские языки), а также урало-алтайстика, ностратика, тюркология. Его заслуги в этих областях науки хорошо известны. Русская и славянская этимология в центре его интересов не находились. Тем не менее, его вклад в эту научную дисциплину весьма значителен как в отношении конкретных языковых фактов, так и в отношении методологическом. Основные статьи Е.А. Хелимского, вышедшие до конца XX в., собраны в известной монографии [Хелимский, 2000], что избавляет от необходимости их пространного реферирования. Уместно ограничиться перечислением главных направлений его деятельности по русской и славянской этимологии, привлекая также публикации, не вошедшие в упомянутую книгу¹. Предлагаемый перечень обнаруживает явную доминанту – речь идет чаще всего об изучении результатов межъязыкового взаимодействия (интерференции) – заимствований и проч., с детальным выяснением облика этимона, закономерностей фонетической и морфологической адаптации, постоянным выяснением исторических и, если возможно, этногенетических импликаций предлагае-

---

¹ В нее не вошли, между прочим, публикации Е.А. Хелимского, посвященные славистике в зарубежных странах. Эти публикации здесь не затрагиваются.

мых этимологических решений. Получаемые выводы оказываются, как правило, равно существенными как для славистики/русистики, так и для финно-угроведения/уралистики, а также (этнической) истории¹.

Этот перечень (отнюдь не полный) можно начать с указания на анализ Е.А. Хелимским прибалтийско-финского и славянского языкового материала в новгородских берестяных грамотах, содержащий объяснение нескольких десятков апеллятивов и собственных имен [Хелимский, 2000, с. 338–348]. Весьма характерно активное применение новгородского или «новгородско-кривичского» (см. в трудах А.А. Зализняка, С.Л. Николаева и других ученых, включая и Хелимского) лингвистического фактора² в разысканиях по славянско-русскому и финно-угорскому/уральскому языковому материалу, особенно при изучении славизмов/русизмов в уральских языках. Примером может служить обнаружение заимствования из незасвидетельствованного др.-новг. **kьrkь* 'шея, горло' в п.-фин. **kurkku* 'горло' (фин. *kurkku* и др.)³, указывающего, кстати, на принадлежность **kьrkь* к *и*-основам [Хелимский, 2000, с. 349]. Как было наглядно продемонстрировано в работах Е.А. Хелимского (а ранее М. Фасмера, А.И. Попова и других ученых), адекватный анализ русского лексического материала требует учета истории освоения русскими северо-восточной Евразии, в том числе новгородской колонизации Русского Севера и севернорусской колонизации Сибири, трех основных путей русских в Сибирь. Пристальное внимание Е.А. Хелимского к историко-географическому аспекту лингвистических явлений позволило ему не только уточнить хронопические параметры древненовгородского и севернорусского продвижения на север и восток (не говоря о более древних миграциях аборигенов Северо-Восточной Европы, Урала и Сибири), но и добиться значительного прогресса в решении многих трудных этимологических проблем – происхождения этнонимов русь, тунгусы, гидронима Енисей, апеллятивов мамонт, тайга и др. [Хелимский, 2000, с. 279, 281–282, 352–354].

Е.А. Хелимскому принадлежит образцовое с точки зрения как уральской, так и русской диалектологии и этимологии описание пласта многочисленных селькупских заимствований в русских говорах Западной Сибири [Хелимский, 2000, с. 363–377]⁴. Немалое – и до сих пор недооцениваемое – значение для русской исторической лексикологии имеют осуществленные им или при его участии публикации лексических данных в архивном наследии одного из крупнейших ученых

¹ Ср. известный афоризм В.М. Иллича-Свитыча: «Язык – это лопата для историка».

² По поводу реконструкции праславянского диалектизма **namь* [ЭССЯ, вып. 22, с. 193–194] Е.А. Хелимский высказался в том духе, что для оценки архаичности той или иной лексемы древненовгородские свидетельства нередко оказываются решающими. Его мнение повлияло на отказ от трактовки слова *namь* как балтизма в книге [Аникин, 2005, с. 227].

³ В статье используются следующие сокращения: алл. – аллаиховский; арханг. – архангельский; астрах. – астраханский; блр. – белорусский; волог. – вологодский; диал. – диалектный; др.-новг. – древненовгородский; др.-рус. – древнерусский; енис. – енисейский; книжн. – книжный; колым. – колымский; литер. – литературный; манс. – мансийский; монг. – монгольский; нен. – ненецкий; новг. – новгородский; польск. – польский; праслав. – праславянский; пск. – псковский; п.-фин. – прибалтийско-финский; рус. – русский; сарат. – саратовский; сельк. – селькупский; сиб. – сибирский; симб. – симбирский; ср.-лат. – среднелатинский; ст.-блр. – старобелорусский; ст.-польск. – старопольский; ст.-укр. – староукраинский; укр. – украинский; фин. – финский; юкагТ – тундренный юкагирский; яросл. – ярославский.

⁴ Неоценимым было содействие Е.А. Хелимского при подготовке ряда трудов автора этих строк, в особенности – «Этимологического словаря русских диалектов Сибири» [Аникин, 2000], где он выступил фактически как соавтор, поскольку этимологии многих наиболее важных сибирско-русских топонимов, этнонимов и апеллятивов в этом словаре основывались на разработках Хелимского или на его подсказках. Ему принадлежит и окончательная формулировка названия указанного словаря.

XVIII в. – академика Г.Ф. Миллера и других выдающихся ученых – участников знаменитой Второй Камчатской экспедиции (см., например: [Mueller, 2003; Миллер, 2005]).

Обращение Е.А. Хелимского к проблеме русской субстратной топонимии Европейской части России (с опорой на труды А.К. Матвеева) позволило ему дать убедительные этимологические истолкования целого ряда гидронимов и гидронимических формантов, известных на севере Европейской части России, а наряду с этим – важные выводы о раннем диалектном членении уральских языков [Хелимский, 2006].

Представленные на люблянском съезде славистов аварско-славянские этюды Хелимского продемонстрировали правдоподобные свидетельства доминирующей роли тунгусо-маньчжурского компонента в Аварском каганате, а вместе с тем – несколько красивых и убедительных этимологий важных и трудных для объяснения русских слов – *объре*, *бояре* и др. [Хелимский, 2003]. Его обращения к теме ранних венгерско-славянских связей дали кроме прочего многочисленные уточнения, касающиеся реконструкции и этимологии ряда (пра)славянских лексем, например, рус. *берцо́* и др. [Хелимский, 2000, с. 452–453].

Обратившись к лексике собственно славянского происхождения, он разработал богатый перспективными идеями этюд об этимологии слав. **velje*, **bolje*, основанный на возможности трактовки этих и других лексем как сложных частиц и позволяющий пересмотреть несколько убедительных на вид «прямолинейных индоевропейских корневых этимологий» [Хелимский, 2000, с. 320–330].

Существенные для русской, славянской и индоевропейской этимологии результаты имеются и в последней – оставшейся незавершенной – работе Е.А. Хелимского «*Marginalia ad UEW*» [Helimski, 2007], над которой он трудился до тех пор, пока сознание не покинуло его¹.

Заслуживают внимания дискуссионные замечания Е.А. Хелимского относительно приемов и методов семантической реконструкции в трудах одного из наиболее авторитетных этимологов второй половины XX в. – О.Н. Трубачева, точнее, его программного тезиса: «углубленное понимание значения есть... уже тем самым его реконструкция». По мнению Е.А. Хелимского, применять данный тезис значит «догадаться, за каким именно из множества частных значений, комбинаторных связей, аллюзий и ассоциаций определенного слова кроется его первоначальная семантика...»; он предпочитает такому подходу – хотя и с оговорками – традиционную семантическую реконструкцию [Хелимский, 1990, с. 144], как она представлена, например, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера.

Уместно еще раз обратить внимание на суждения Е.А. Хелимского относительно того «распространенного направления этимологического поиска в индоевропеистике (славистике, германистике, балтистике, кельтологии), которое ориентировано на поиск индоевропейских этимонов для максимального числа (в идеале, пожалуй, для всех) слов, представленных в древних и современных языках... При этом остается неучтенным то обстоятельство, что все индоевропейские языки Европы впитали в себя огромную массу доиндоевропейского субстрата², и поэтому для любого слова без очевидных индоевропейских связей (особенно если оно относится к сферам названий растений и животных, ландшафтной терминологии, экспрессивной лексики...) субстратное и вообще контактное происхождение а priori намного более вероятно, чем исконное. В итоге можно заподозрить, что, например, более или менее правдоподобной индоевропейской этимологией уже

¹ «Спасти душу для лингвиста значит придумать хорошую реконструкцию» – это было сказано им за два месяца до смерти.

² К сожалению, Е.А. Хелимский не высказал своего мнения по поводу «праевропейского субстрата» В. Махека и сходных идей у других ученых.

снабжено в полтора-два раза больше славянских слов, чем имеется слов индоевропейского происхождения в славянском. Можно, конечно, психологически понять нежелание из раза в раз повторять на страницах этимологических словарей комментарий типа “Скорее всего, заимствование из несохранившегося доиндоевропейского языка Европы, непосредственный источник не поддается установлению и анализу”, хотя именно такого рода комментарий должен, на мой взгляд, во многих случаях предварять все дальнейшие гадания на индоевропейской гуще» [Хелимский, 2002, с. 84].

Эти суждения едва ли потеряют актуальность в ближайшее время. Критикуемый Хелимским подход получил довольно широкое распространение в виде методики, основанной на безальтернативной по существу идентификации привлекаемого лексического и топономастического материала как исконно- и праславянского, когда на основе несложных аблаутных схем и введения детерминативов и/или суффиксов (типа **bol-d-/*bьl-d-/*bьl-g-* + *-урь, -арь, -ur-* и под.) целые пласты формально сходных апеллятивов и топонимов «легко» объясняются как исконные и гомогенные – без учета их географии и особенностей того лингвогеографического ландшафта, в котором существует каждое конкретное слово. Так, предполагая «архетип» **vьrpa* и допуская спорадическую утрату **v-*, можно, как выясняется, без особого труда протимологизовать многие десятки гидронимов, топонимов и апеллятивов, имеющих облик наподобие *(V)arpa, (V)orpa, (V)urpa* и распространенных на огромной территории, охватывающей чуть ли не половину Евразии. В их число попадает, например, рус. диал. *árna* ‘рыболовный запор’ на Северном Урале (Верхняя Тавда, Припелыме) [Козлова, 2007, с. 135]. При таком подходе не имеет значения то, что данный русский диалектизм записан в середине XX в. А.К. Матвеевым на территориях, где всего лишь за полвека до того А. Каннисто и Б. Мункачи работали с мансийским населением, которое вскоре было ассимилировано местными русскими, но оставило в их говорах след в виде многочисленных терминов охоты и рыболовства¹. Не имеет значения и наличие совершенно очевидной и фонетически и семантически этимологии (А.К. Матвеев) рус. *árna* < манс. (Средняя Лозьва, Пелым) *árp* и др. ‘рыболовное приспособление, запор’ [Аникин, 2007, с. 292].

* * *

Нижеследующие этимологические заметки по (старо)русской лексике посвящены памяти Е.А. Хелимского.

бúстер

‘течение реки; фарватер’ (говоры в Якутии) [СРНГ, вып. 2, с. 297] объясняется в ЭССЯ [вып. 3, с. 153] как результат субстантивации адъектива *быстрь* < праслав. **bystrь*, но это толкование должно быть уточнено, начиная с диалектной принадлежности слова. Судя по ссылке в СРНГ на В. Зензинова, речь идет о говоре селения в низовьях Нижней Индигирки, – Русского Устья². В этом говоре конечное *р'* отвердевало (*-р' > -р*), вместо *ы* появлялось и: *звер, цар/сар* и т.п. вместо *зверь, царь; быстро, рыба* и т.п. вместо *быстро, рыба* [Дружинина, 1986, с. 357, 358]. Учет этих диалектных особенностей позволяет отождествить *бúстер* с *быстерь* ‘быстрина, стержень на реке’ (новг., арханг., волог., колым.) = *быстрь* [СРНГ, вып. 3, с. 349], которое продолжает праславянское **bystrь >* польск. диал. *bystrz* ‘быстрина’ и др. (SP, t. 1, s. 481). Имя *быст(е)рь* = *бúстер* распространилось в ходе новгородской колонизации Русского Севера и севернорусской колонизации Сибири.

¹ Не говоря о том, что нет никаких оснований допускать для *árna* исходное **vьrpa*.

² В. Зензинов – известный революционер, отбывавший незадолго до начала I мировой войны ссылку в Русском Устье.

бисага

‘покрывало’ пск., 1607 [Fenne, с. 64], *бисага*, также *бисага* XVII в. [СОЛЯМР XVI–XVII, вып. 1, с. 162], *бисага* ‘попона под вьюки’ 1687, *бизага* (8 попонь бизягъ), *бисагжнши* [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 186], *бисага*, *бизага* сиб., XVII в. [Панин, 1991, с. 11] – несмотря на разницу в значении, едва ли отделимо от укр. *бѣсаги*, ст.-укр. *бисага* ‘сума’ 1627 [ЕСУМ, т. 1, с. 176], ст.-блр. *бисага* ‘переметная сума’ 1540 [ГСБМ, вып. 2, с. 6] < польск., ср. *biesaga*, *biesagi*, ст.-польск. *bisagi* мн. ‘переметная сума’¹ < ср.-лат. *bisaccium*, -а мн. из *bis* ‘дважды’ и *saccus* ‘мешок’ (см.: [VWSS, Bd. I, S. 321–322], здесь же и о др. слав. фактах). По всей видимости, значение ‘покрывало’ возникло в русском по метонимии из ‘попона (для перекидного вьюка)’, а исход слова переосмыслен по аналогии со словами на -яга типа *висяга* ‘цеп, молотило’ [СРНГ, вып. 4, с. 299]. Колебание типа *c/z* на великорусской почве не редкость.

Сложность состоит в наличии слова *писяга* ‘одеяло на оленьем меху’ в севернорусских говорах [СРНГ, вып. 27, с. 52], которое было объяснено как производное с суффиксом -яга от ненецкой основы *pīs* (= *pī*) ‘покрывало из шкур или сукна для женских нарт’ [Хелимский, 2000, с. 356–357]. Ранее рус. *бисага* было предложено рассматривать как вариант слова *писяга* [Аникин, 2000, с. 129], что однако крайне сомнительно. Или между этими словами связи нет или *писяга*, напротив, вторичный вариант к *бисага* (< польск.) и ненецкая этимология неверна. Вторая возможность предпочтительнее, против чего не возражал и Е.А. Хелимский².

норник

‘молодой песец, не выходящий еще из норы’ арх., сиб., енис., Приобье (Березов), колым. [СРНГ, вып. 21, с. 281–282], ст.-рус. *норникъ* ‘молодой песец (еще не выходящий из норы или подросший, который уже выходит из норы)’ XVII–XVIII вв. [СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 423], конечно, не может служить основанием для реконструкции праслав. **norьnikъ* [ЭССЯ, вып. 25, с. 198]. Речь идет о производном от *норá*, возникшем и распространившемся в период русской колонизации Севера и Сибири, одной из основных целей которой была добыча пушного зверя. Песец – обитатель тундры и лесотундры Евразии (и Северной Америки). Показательно слово *пъсьць* в берестяной грамоте № 724 (XII в.), указывающее на сбор дани в Заволочье, на северо-восточной периферии Новгородских владений [Зализняк, 2004, с. 351].

Показательны заимствованные из русских диалектов нен. *nē, rnik* ‘норник’, якут. (алл., ср.-колым.) *ниогайһук* ‘летний песец’, ‘детеньш лисицы – норник’, юкагТ *нборник* ‘шкура летнего песца’ [Аникин, 2003, с. 405].

чка

Т.В. Горячева в одной из своих работ обосновала возможность обозначения ‘льдин, льдины’ как ‘плах(и), колод(ы)’ [Горячева, 2007, с. 37–39]. Эту возможность как будто можно поддержать следующим примером. Судя по данным [КСРНГ], в русских говорах (преимущественно по течению Волги) весьма широко известно или было известно слово *чка* ‘плавучая льдина’ симб., ярсл., сарат., низовья р. Урал, *чки* ‘ледяные поля’ астрах. Поскольку данные [КСРНГ] содержат также *чка* ‘доска’ (в курских говорах), естественно считать, что речь идет о диалектном преобразовании того же типа, что др.-рус. *цка* ‘доска’

¹ Сюда же польск. диал. *b'isqga* ‘радуга’ с метафорическим значением [Толстой, 1997, 195].

² Устное сообщение по телефону в середине ноября 2007 г.

= рус. *доска́* < праслав. **dъska* [Фасмер, т. I, с. 532; т. IV, с. 303]. Учитывая анлаутное *ч-*, а не *ц-*, допустимо предполагать развитие *чка* < **дъшкѧ*, где *-ш-* как в укр. *дóшка*, блр. *дóшка*, но ударение как в рус. литер. *доска́*.

Литература

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Аникин А.Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.
- Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1.
- Горячева Т.В. Восточнославянские этимологии (рус. бим; блр. галялёць; рус. закрумный; блр. вояры; праслав. **хута/*хуть*; рус. посúтиться) // Этимология 2003–2005. М., 2007.
- Дружинина М.Ф. О говоре русских старожилов на нижней Индигирке // Фольклор Русского Устья. Л., 1986.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–. Т. I–.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Второе изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Козлова Р.М. Восточнослав. Орпа, Ирпа (этимологический комментарий) // Студії з ономастики та етимології. Київ, 2007.
- Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. Материалы круглого стола // HSFUM. Bd. 3. Hrsg. von E. Helinski. Hamburg, 2005.
- Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1991.
- Толстой Н.И. Избранные труды. М., 1997. Т. I. Славянская лексикология и семасиология.
- Хелимский Е.А. [Рец. на книгу.]: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции // Вопросы языкознания. 1990/ № 4.
- Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хелимский Е.А. Трансевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).
- Хелимский Е.А. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Hamburg, 2003.
- Хелимский Е.А. Наследие северо-западной группы финно-угорских языков в субстратной топонимии и лексике: Реконструкции, историческая фонетика, этимология // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Helinski E. Marginalia ad UEW. Notizen eines ständigen Benutzers und harten Kritikers zu K. Rédeis “Uralisches Etymologisches Wörterbuch”. Hamburg, 2007.
- Mueller G.F. Nachrichten über Völker Sibiriens (1736–1742) // HSFUM. Bd. 2. Hrsg. E. Helinski und H. Katz. Hamburg, 2003.

Сокращения

- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–. Вып. 1–.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–. Т. I–.
- КСРНГ – Картотека словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва, 1975–. Вып. 1–.
- СОРЯМР XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Санкт-Петербург, 2005–. Вып. 1–.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966–. Вып. 1–.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Москва, 1964–1973. Т. I–IV.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
- Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1967. Ed. L.L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970.
- HSFUM – Hamburger sibirische und finnougri sche Materialien. Hamburg.
- SP – Słownik prasłowiański. Т. 1–8. Wrocław etc., 1974–2002.
- VWSS – Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1975. Bd. I.